

Павел предтеча

Г.Ю. Ясько

(Получена 26 октября 2006; опубликована 15 января 2007)

Павел Флоренский - как предтеча Второго Пришествия Христова.

Если чужая душа - п о т ё м к и, то тем более потёмки - душа мыслителя, который столь же желает раскрыться, сколь, если не более, сокрыться от враждебного и назойливого любопытства чуждой ему толпы. Но наряду с этой сокрытостью, оставляются мыслителем и лазейки к его тайнам.

П.А. Флоренский.

1.

Павел Александрович Флоренский (1882-1937) обладал свойством, очень удобным для научного работника, - стоило ему раз прочесть любой текст, как он навсегда и дословно запоминал его. Но он помнил не только «тексты слов».

Он записывал 7 июля 1917 года: «Сойди в себя - и узришь обширные своды. Ниже, оставь страх, спустись в пещеру. Ноги твои ступят на сухой песок, мягкий и желтый, дающий отдохновение. Здесь заглушен шаг твой. Здесь сухо и почти тепло. капли времени срываются со сводов и падают в глубины мрака. Гулкие переходы наполнены реющим звуком: словно бьют свои удары бесчисленные маятники. Как в мастерской часовщика, нагоняют и перегоняют друг друга неисчислимые ритмы, сплетаются и расплетаются. Упруго жужжат веретена судеб. Сердца всех существ пульсируют в этих недрах. Тут, от мглы и лучей, рождаются все вещи мира. Тут ткётся, из ритмических колебаний, быстрых и медленных, глухих и звонких, из гулов и пещерных отзвучий, - живой покров, что называется Вселенной. Сюда, в утробу земли, собираются и звёздные токи, огустевающие в драгоценные камни. Тут-то, под пещерными сводами сердца, и воссиявает Звезда Утренняя.

* * *

Вечер и утро особенно благодатны. В прежнее время, приезжая с ночным поездом из Москвы, я шел бродить по росистым лугам. Восток только начинал розоветь. И несказанная радость и чистота, вместе с каплями, осыпавшими меня с какого-нибудь орешника, струились широким потоком в душу, да и не только - во всё существо. Каплею висела у горизонта Утренняя Звезда. Но знало сердце, что эта Звезда дрожит не вне его, не на своде небесном, а во внутренних пространствах самого сердца, расширенного до небосвода. И, восходя в сердце, восходящая Звезда была прохладна, и девственна, и чиста.

Порою, вечерами, бродил я по холмам и лугам. Набегающая прохлада заката омывала душу от волнения и тревоги. **Вспоминалось** о том **перво** - зданном ветерке вечернем, в котором и которым говорил прародителям Создатель их (3 Цар. 19.12 - Г.Я.); и это воспоминание пробегало по спине прохладным восторгом. Полузабытое и всегда незабвенное золотое время Эдема, как отлетевший сладкий сон, вилось около сердца,

трепетало, задевало крылом - и снова улетало, недоступное. Грустилось о былом, былом в веках и где-то вечно живом, живущим о доньне; и благодатная грусть сливалась с влажным сиянием Звезды Вечерней, такой бесконечно далёкой, светящей из прозрачных изумрудных бездн, и такой близкой, заходящей в сердце. Где-то вдали мерцала пастушья теплина. И милой была она. И милыми были все сидевшие возле. И, как ранее, в Звезде Утренней, так и теперь в Звезде Вечерней, сердце любило - Кого-то». (9.30-31).

Это описание переживаний посвященного в мистерии. Пещера сердца, в которой происходит таинство; Звезда посвящения (звезда духа, Монада), которая восходит в сердце посвященного; воспоминание о первоначальном состоянии Вселенной, в котором «Единое во всех, и все в Одним», - всё приводит к одному средоточию - духовному браку человека и Вселенной, центральному событию, венчающему усилия вечного странника небесного - человека, свершающего свой эволюционный путь в космической бездне. Звезда эта, Венера, по какой-то неизвестной нам причине играла в древности для «припоминающих» наиважнейшую роль. Недаром именно её они связывали с другими, незримыми звёздами.

«Но всегда загорается в этой заре звезда, как надежда, как залог, как иного бытия начало», как заветное волнение: Геспер есть Фосфор.

Эта переживаемая, эта ощущаемая в сердце звезда - не прихоть мечты и не домысел рассудка. Посмотрите в Откровении Иоанна Богослова читаем: «И побеждающему и соблюдающему дела Мои до конца, дам власть во языцех... и дам ему Звезду Утреннюю. Имеяй ухо слышати. да услышит, что Дух глаголет Церквам» (Откр. 2, 26-29) Апостолу Иоанну вторит Апостол Пётр: «... добре творити, дондеже день озарит и **Денница воссияет в сердцах ваших**» (2 Петр. 1, 19)... И, вероятно, в созвучии с Иоанном и Петром, Апостол Павел об этих самых, в сердце зримых звёздах, пишет, что «звезда... от звезды разнствует во славе». (1 Кор. 15, 41). «Разнствует»; но и разнствующие - это, однако, все - **Одна** Звезда, Та, что о Себе сказала: «Аз есмь корень и род Давидов, и Звезда Светлая и Денница» (Откр. 22, 16).(9. 30)

Флоренский был наделен некой первоначальностью гениальной личности: «Воистину я ничего нового не узнал, а лишь «припомнил» - да, припомнил ту основу своей личности, которая... была исходным зерном всех духовных произрастаний, начиная с первых проблесков сознания». (3) «Припоминание» есть термин мистерии и Платона: «Моё личное самочувствие с детства всегда было то, что учиться, то есть в области общих понятий, мне собственно, нечему, а надо лишь припомнить полузабытое или довести до сознания не вполне ясное». (3.384) От рождения он владел «абсолютно точными метафизическими формулами всех запредельностей». Так что «вся последующая жизнь мне не открыла ничего нового... Все... знание жизни было преобразованно в опыте самом раннем, и, когда сознание осветило этот опыт, - оно нашло его уже вполне сформированным, почкой, полной жизни и ждущей лишь благоприятных условий распуститься». (3.270)

Именно такие благоприятные условия для своего раскрытия нашла эта его врожденная гениальность на Кавказе, где он родился. Жарким полднем лета 1899 в горах на берегу Куры он внезапно переживает преобразование своего сознания и осознает себя носителем нового типа мировоззрения. Это было «внезапное открытие дверей иного мира, куда я полусознательно стучался все предыдущие годы; или даже как падение преграды, над разрушением которой, тоже не вполне сознательно, но усиленно трудился, не зная ни покоя, ни отдыха».

Что же здесь «нового» спросит читатель, ведь описанное откровение человеку потаенной стороны природы, «миров иных» хорошо знакомо нам по свидетельству тысяч мистиков всех времен и народов? Новизна случившегося с Флоренским в том, что это откровение не стало для него чем-то «сверхъестественным». Эта открывшаяся ему реальность была для него свята и таинственна, но приобщение к ней и дальнейшая жизнь в этой святой и таинственной реальности были для него возвращением к своему, родимому.

Флоренский пишет: «Да, если говорить о первичной интуиции, то моею было и есть то таинственное **высвечивание** действительности иными мирами - просвечивание сквозь действительность иных миров, которое даётся осязать, видеть, нюхать, вкушать, настолько оно определённо». (3.352) И дальше: «Неведомость - жизнь мира. И потому моё желание было познать мир именно как **неведомый**, не нарушая его тайны, но подглядывая за ней. Символ и был подглядыванием тайны. Ибо тайна мира символами не закрывается, а именно раскрывается в своей подлинной сущности, т.е. как **тайна**». (3. 353) Как и все великие святые, иерофанты мистерий, йоги, теурги, Флоренский жил одновременно в двух мирах, в нашем земном и в надземном. Только в отличие от посвященных прошлого, которым для этого требовались особые условия, он не выходил из жизни - таково сегодня «особое условие» преображения.

Вообще, предпосылками преображения (посвящения) являются: во-первых известный багаж духовных накоплений, во-вторых напряженный труд, в третьих нужна помощь свыше, в-четвёртых нужны соответствующие природные условия, - подходящая «энергетика» места и времени. Мы уже говорили, что Флоренский родился во всеоружии знания, которое ему оставалось «припоминать»: «Общее я всегда узнавал с полуслова или с четверти слова, и потому очень немноги те случаи, когда в области мысли у меня бывало чувство новизны. Но я считаю свои личные способности сравнительно малыми и, может быть, меньшими средних. То, что требовалось не вспомнить, а действительно узнать - слова иностранных языков, хронологические даты, географические и тому подобные сведения, даже данные физики с которою я имел постоянное дело, давалось мне с величайшим трудом». (3.184) О его преданности познанию говорит всегашнее напряжение концентрации сознания на нём: «Мне казалось, что если я какой-нибудь день или час ослаблю свои усилия и проведу время беспечно, то произойдёт какой-то огромный ущерб. Это было не просто занятие, потому что оно мне интересно или представляется полезным, а, скорее, напоминало усилие Атланта, держащего небесный свод». (3.385) И ещё: «Безмерное и стоящее за пределами сил и человека и человечества стояло предо мною как долг и угрожало за невыполнение его; при том же не в будущем, тем более - неопределенно далёком будущем, а вот сейчас, сию минуту». (3.413)

Флоренский - живой столп и утверждение истины. Такие люди как он являются не только проводниками новых идей, открывателями новых символов, они живые трансформаторы божественных энергий, понижающие их немислимо высокое напряжение до приемлемого землёю уровня. Воистину, эти титаны всю свою жизнь на пределе сил держат небесный свод. Сегодня мы знаем, что единственно дозволенным духовным «упражнением» является напряжение воли, желания и мысли на выполнении долга. Повышение культурного уровня людей, прививка человечеству человеческого мировоззрения - вот смертельно опасное упражнение, которое раскрывает соответствующие «центры сознания». Но есть ещё и подвиг мучительной трансформации высших энергий, который можно назвать «пространственным служением»: «Кто возле Меня, тот возле огня, а кто далёк от Меня, тот далёк от спасения», - гласит одно не записанное в Евангелии изречение Спасителя. Благодать способна «поляризоваться» по выражению богословов, т.е. будучи реальностью и силой, становится угрозой тем, кто подходит к ней несоответственно; и таинство может быть не только во спасение, но и «в суд и в осуждение», огнём опаляющим» (4)

2.

Итак, дело было летом 1899 года. «Судорожно державшийся физики и тому подобных наук, обуреваемый весьма широкими замыслами» подросток лёг спать. И во сне он пережил опыт погружения в абсолютную тьму, небытие. «Самоощущение заживо погребённого... мрак, перед которым кажется светлую самую тёмную ночь... Было ощущение, что теперь никто не поможет... Я ощущал так же бессильными все свои интересы, занятия... Мною овладело безвыходное отчаяние, И я осознал окончательную невозможность выхода отсюда, окончательную отрезанность от мира видимого. В это мгновение тончайший луч, который был не то незримым светом, не то - слышанным звуком, произнёс имя **Бог**. Это не было еще ни осияние, ни возрождение, а только весть о возможном свете... Я не знал, ни как может быть дано спасение, ни почему. Я не понимал куда я попал и почему тут бессильно всё земное. Но лицом к лицу предстал мне новый факт... есть область тьмы и гибели, и есть спасение в ней». (3. 404)

В этом месте в связи с внезапным появлением в поле его сознания слова «Бог», Флоренский даёт интересное описание работы своего ума. «Появление словесных формул того, что переживалось мною, совершенно независимо от прямых намерений и, чаще всего, - вопреки предвидимым сочетаниям и выводам из формул, уже готовых... Это значит: отдельные формулы в моём сознании не держатся друг за друга, чаще всего имеют между собой зияющие провалы и противоречат друг другу... Обыкновенно, в какой бы области я ни размышлял, мысль шла сама собой и почти без моего ведома, тогда как сознание бывало занято совсем другим, нередко обратным тому, что готовилось на большой глубине. Это была совсем не логическая мысль, а, скорее, присматривание к некоторой новой области, ощупывание её и внутреннее к ней приспособление. Когда оно достигалось, само собой возникало и **слово** её... Оно выступало в сознании как чуждое ему и вместе с тем как заветное и защищаемое с гораздо большею искренностью, нежели всё остальное... Так бывало с новой мыслью во всех областях, и потому новое меня самого одновременно и удивляло и ощущалось как давно уже своё и усвоенное». (3.405-406).

Заметим - Флоренский, говоря о работе с мыслью постоянно употребляет слова «присматривание», «вслушивание», «ощупывание». Речь идёт об «умозрении идей» как о работе специального органа чувств. Реально существующие в иных мирах объекты - идеи, мысли, мыслеобразы, ощущаются, **ощупываются** его умом, этим органом «шестого чувства». Это реальное и рабочее взаимодействие с потусторонней реальностью - «сопребывание двух различных смыслов, принадлежащих к разным планам действительности в одном и том же восприятии, причём один смысл не уничтожает другой, но оба сознаются одновременно, хотя и с разным коэффициентом ценности». (3.406).

Через две-три недели после случая, описанного выше, наступила вторая фаза первого посвящения. Флоренский спал, когда его разбудил толчок, сравнимый с ударом электрического тока. Это был какое-то «духовное электричество». «Словно сильная воля, безмерно превосходящая мою и безмерно более моей авторитетная, действует на меня раньше, чем сам я успеваю не только выполнить её требования, но и сообразить, почувствовать и захотеть то, что от меня ею потребовано... (...) Она как грозный, мгновенно пожирающий огонь, который не извиняется и не даёт отчёта в своих действиях; но в самой глубине сознания при этом ясно, что так и надо и что эта необходимость мудрее и благоднее человеческих осторожных подходов». (3 407) Этот натиск воли выбросил подростка прямо через открытую дверь балкона во двор, залитый

лунным светом. «Над огромными акациями прямо в зените, висел серебряный диск луны, совсем не большой и до жути отчётливый. Казалось, он падает на голову, и от него хотелось скрыться в тень, но властная сила удерживала на месте. Мне было жутко оставаться в потоках лунного серебра, но я не смел и вернуться в комнату. Мало-помалу я стал приходить в себя. Тут-то и произошло то, ради чего был я вызван наружу. В воздухе раздался свершено отчётливый и громкий голос, назвавший дважды моё имя: «Павел! Павел!» - и больше ничего. Это не было ни укоризна, ни просьба, ни гнев, ни даже нежность, а именно зов... Он выражал прямо и точно именно и только то, что хотел выразить - призыв... Он раздирал моё сознание, знающее субъективную простоту и субъективную призрачность рационального и объективность переливающегося, бесконечно сложного и загадочно-неопределённого иррационального. Между тем и другим, разрывая их выступило нечто совсем новое - простое и насквозь ясное, однако властно-реальное и несокрушимое как скала. Я ударился об эту скалу, и тут было начало сознания онтологичности духовного мира». (3. 408)

Иной мир в его самоощущении и то того, всегда, соприкасался с ним как подлинная и не внушающая ни малейшего сомнения реальность. Однако это основное его ощущение жизни в связанном сознательно-научном его миропонимании не принимало никакого участия. Непосредственное ощущение жизни в иных мирах, дававшей подлинный опыт о подлинном - было само по себе, а научная мысль, которой в каком-то душевном слое он просто не верил - сама по себе. Эту разобщённость человечности и научности Флоренский считает характерной болезнью всего нового времени. Сам он был типичным представителем этого времени, вот почему в нём, доведённая до предела, до последнего напряжения «бесчеловечная научная мысль» привела к взрыву всех позитивистских замыслов голой рациональности. Он ощутил себя пределом и концом нового времени; «последним (конечно, не хронологически) человеком нового времени и потому первым» - наступающей новой эпохи.

Через некоторое время после услышанного зова, Флоренский с братом Александром отправился в длительное путешествие в горы. Здесь, на горном перевале Утини у границы Рачи и Сванетии, возле священной плиты с изображением системы концентрических эллипсов «с подходящими к ней дугами другой такой же системы. Эллипсы выступают барельефными линиями. Подобного рода изображения встречаются на древнейших памятниках доисторического Египта и на критских древностях». (3.421); он переживает экстаз красоты. (5).

«Небо - глубоко-синее, почти чёрное. Ощущается достигнутая совершенная гармония. Сознание экстатически расширенно, и уже нет определённой границы между мной и внешним бытием. ... экстатическое выхождение за пределы себя, приобщение к Великому Разуму и потому - овладение вселенской полнотою. Пронизывает струящаяся здесь неземная радость. Всё мелкое, тревожное, суетливое осталось бесконечно далеко, оно уже не твоё, а какой-то выметенный сор. Тут уже нет беспокойной памяти о завтрашнем дне, и все тамшние низинные недоразумения вполне исчезли за своим ничтожеством. Отложено всякое земное попечение, и внутрь тебя льётся широкой струёй синий эфир. Умереть и жить в этот момент одинаково благостно». (3. 421)

Через несколько дней после этого, первая фаза процесса преобразования сознания мыслителя завершилась. Из глубин его сознания, крепко сложенную рационалистическую кору которого расшатала вышеприведенный потрясения, вышла новая сила, определившая ход его жизни и мысли до 1917 года, (когда он пережил второе преобразование сознания).

А в тот жаркий полдень (около 31.07.1899) он укрылся в лесу на берегу Куры. Сознание его было занято «очень оцарапавшим» его замечанием о том, что физики сами не знают, что такое температура и как её логически определить. Вдруг из глубин его сознания встала как острое кинжала иная мысль о вздорности и ненужности этой проблемы. «Тогда я спросил в удивлении и испуге у этой, другой, чем привычная **моя** мысль, как же это может быть вздором, когда оно тесно сцепляется с такими-то и такими-то вопросами, уже явно признанными. И через несколько секунд получил ответ, что и они, эти вопросы тоже вздор и тоже ни для чего не нужны... Эти ответы **другой** мысли звучали всё жестче, определённое и беспощаднее». (3.434) Вскоре от здания позитивизма в сознании Флоренского остались одни обломки. «Не только опустошенный, но с полным отращением убежал я от этого мусора».

Смертельная тоска и полное отчаяние овладели его сознанием. Он задышался от неимения истины. «Во всём человеческом познании не находилось ни одной надёжной точки, а истина и смысл жизни были для меня понятны и тождественны». (3 437) И тогда поверх развалин построения человеческого рассудка открылась ему Истина как ясное до ослепительности явление Реальности. Тогда с ним, с носителем нового мировоззрения заговорил Христос.

3.

В фигуре Флоренского нам дан живой пример нового типа человека, к которому идет эволюция. О переходе человечества к этому типу учил нас Вл. Соловьев в своей теории о теурге и богочеловеке. Флоренский прекрасно осознавал эту свою особенность: «С охотой воспринимал я всяческие объяснения жизни, самые рациональные, впитывал их в себя; но в душе оставлял за собою право думать, в конечном счёте, - наоборот, быстро раскусив некоторую прагматическую, в смысле рабочей, полезность рациональных объяснений, равно как и их произвольность, условность и пустоту. Я быстро научился жить двумя умами: на поверхности - умом взрослых, приняв легко законы логики, а в глубине - умом **своим**, детским, и воспринимая мир как, - уже много лет спустя я узнал такой термин, - как сторонник магического идеализма. На периферии я горячо и даже фанатично мог защищать то или другое научное объяснение, в душе, однако, не веря в научные объяснения и считая их (- как они и суть на деле -) условными. Я чувствовал, не следует говорить о другом, о моём понимании вслух, и замалчивал его как тайну своей души. Мне казалось непристойным и наивным объяснять мир магически перед другими: но мало ли о чём не следует говорить другим. И я **казался** «учёным», будучи внутри - «магом»(6). Однако это было не притворством, а своеобразной стыдливостью и умственным приличием». (3.366)

Постепенно он понял, что является одной из первых капель того муссона, который вскоре оросит земную жизнь и превратит эту духовную пустыню в сад новый. В 1923 году он писал, вспоминая о 1899: «Меня... тревожила мысль, не погибнет ли со мною зародыш истинной натуральной философии, ... но с тех пор я научился благодушию, когда твердо узнал, что жизнь и каждого из нас, и народов, и человечества ведётся Благою Волею, так что не следует беспокоиться ни о чем, помимо задач сегодняшнего дня. Ну и сама история убеждает вдобавок, что мировоззрение уже вступило на новый путь и что поэтому «моему» принадлежит победа, которая будет достигнута и без меня, так что мое личное участие в этом деле есть обстоятельство третьестепенное. Немного раньше, немного позже, немного так, немного иначе – но взволновавшие меня ощущения будут выражены и определяют собою характер будущего знания. Теперь я в этом уверен». (3.393).

В 1923 году, он вспомнил, «как смутный мне зов Вечности, пробивавшийся, однако, всюду и искавший себе щелей и проходов в знании научного рационализма» в 1899 году претворился в преобразование сознания. Тогда же он ощутил, «что произошел разлом, разрыв биографии, внезапный внутренний обвал, факт внезапности которого не закроют никакие указания на то, что он подготавливался исподволь. Когда обваливается дом, то обвал этот случается вдруг, и вдруг объявляется новый сравнительно с прежним факт: дом рухнул, тогда как раньше стоял. И трескаясь, и оседая, он был раньше домом; с некоторого определенного момента это уже не дом. В моём переживании произошедшего важнейшим было: неожиданность и катастрофичность его. Полоса жизни, самая трудовая из всех, самая безоглядно горячая, самая, как по крайней мере казалось мне, бескорыстная, вдруг пошла на слом. О, с какой остротой тогда я почувствовал тщету дел человеческих! И как сравнительно с тем глухо прозвучали во мне разрушение России и наперёд уже пережитое разрушение Европы и её культуры. Это не потому, что там дело шло лично обо мне. Напротив, тогда я знал, может быть даже лучше, чем сейчас, что научное миропонимание есть душа западной культуры, самое сердце Европы. И когда это сердце на моих глазах стало вдруг останавливаться, когда я увидел, что оно - не сердце, а только резинка, тогда, хотя, может быть, втайне и желая того, я сознал и всё происходящее в мире как имеющее произойти. В том, что случилось со мною, был пережит разрыв мировой истории. Мне вдруг стало ясно, что «время вышло из пазов своих» и что, следовательно, кончилось нечто весьма важное не только для меня, но и для истории. Это было ощущение и смертельной тоски, и жгучей боли, и невыносимого сознания, что разрушается то, что строилось величайшими усилиями, - уж не о своих я говорю, а об общих, европейских. Но в этой жгучей до крика боли вместе с тем чувствовалось и начало освобождения и воскресения, тоже не только моего, но и общего». (3.389)

Эволюция движется революциями, или вспышками энергий, разрушающими отжившие свои формы жизни для того, чтобы расчистить место для нового творчества. Эти революции происходят, прежде всего, в сознании людей.(1) И если в головах большинства всё дело ограничивается «разрухой», переходящей в разруху жизни, то в сознание гениев эти духовные революции приносят новые идеи, новые образы, новые энергии и эти преобразившиеся, поднявшиеся на новую ступень сознания люди становятся для нас не только маяками, указывающими путь во тьме, но и живыми магнитами, властно влекущими нас за собой по пути эволюции. Эти властители дум и сердец - великие мыслители, законодатели, учёные, художники, - являются истинными вождями человечества, сама природа наделяет их своей властью.

В конце XIX в начале XX века в России заявила о себе группа тех, чьё жизненное творчество выразилось в феномене, получившем название «Серебряного века русской культуры». Вспомним имена лишь некоторых из этих «святых, воплотившихся поэтами»: Анненского, Ахматову, Бальмонта, Бердяева, Блока, Белого, С.Н. Булгакова, Гумилева, Волошина, Врубеля, Дягилева, Есенина, Кандинского, Лосского, Лентулова, Малевича, Мейерхольда, Мережковского, семью Рерихов, Ремизова, Рахманинова, Прокофьева, Серова, Сурикова, Скрябина, Стравинского, Вяч. Иванова, Е.Н. Трубецкого, Петрова-Водкина, Чурлениса, Мандельштама, Цветаеву, Шестова, Филонова, Флоренского, Эрнэ... Всех этих таких разных людей объединяет нечто общее, все они в разной степени выявляли в своём творчестве то, что Флоренский назвал «новым мировоззрением». Все они явились живым доказательством теории Вл. Соловьёва о

теурге или богочеловеке, призванном в области художественного творчества, (в «художестве» понятием широко, как области воплощения абстрактных идей), «воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле... одухотворить, преосуществить нашу земную жизнь». Этот десант Грядущего является десантом Грядущего Спасителя. Великие деятели Серебряного века русской культуры, – это предтечи Второго Пришествия. Как и положено десанту, они высадились здесь у нас, на земле, в царстве князя мира сего, чтобы подготовить плацдарм для основных сил, завоевать место в наших сердцах, куда мог бы ступить Христос. Уж такова судьба десанта, – они все были перебиты. Но они выполнили поставленную перед ними задачу. Эти святые, воплотившиеся поэтами, художниками, мыслителями, композиторами, учеными внесли в потемки нашей жизни свет Фаворского Преображения. Который, просияв тогда в Палестине, открыл для человечества путь в Новый Мир. В нем не будет непроницаемой препоны между земным и Высшим. Преобразившийся человек в нем будет творить на небе как на земле. И это будет Новая Земля и Новое Небо.

Бердяев писал, что учение Флоренского – «стилизованное православие». Он вкладывал в эти слова критический смысл. Я бы сказал, не стилизованное, а *адаптированное*. Флоренский пояснял: «Я ставил себе непомерные требования и огромные задачи; передо мною мерцали фосфорические светлы решений, как мне казалось, огромных по своей ценности... Но тут же выяснялось отсутствие потребной для всего этого техники; фосфорический свет не находил себе среды оплотниться...» (3.412) Те откровения истины, которые он получал, он давал в этой форме, «по ясному сознанию, что никакой другой словесной одежды нет, и что, откажись я от этой, то должен буду оставаться вообще без мысли». Это он писал о языке науки, а я распространил на язык церкви, которым он пользовался, по моему, тоже – за неимением «лучшего». Его часто упрекали, и до сих пор упрекают, что в его работах мало де «Христа». Но дело в том, что он, знал Христа в Его космическом аспекте, что недоступно критикам его, которые не видят, что Христос и София пронизывают все его мышление и все его книги, как великая сила жизни.

Флоренский смотрел на свое учение так: «Философия высока и ценна не сама по себе, а как указующий перст на Христа и для жизни во Христе. И *пройденный* путь – делается уже ненужным. Мои глубоко уважаемые судьи могут лишить меня книги, но не того, что теперь, пережив ее, я уже имею, помимо нее». (7). Такое отношение к своему учению было и у Будды, который говорил, что, придя к Нирване, ученик должен оставить его учение, как уже ненужную вещь.

Интересно, что, говоря о достижениях духа арх. Феодора (Бухарева), Флоренский в своей начатой в 1918 году книге о нем пользуется символикой, употребляемой буддистами, когда они говорят о достижениях великих Йогов, Архатов, Бодхисатв. («Богочеловеков», «теургов» по номенклатуре Вл. Соловьева.) «В просветленной личности опального и расстриженного архимандрита уже давно отстоялась та муть плотских желаний, то субъективное и корыстное вожеление, которое людям, не знающим подвига, туманит чистые контуры ноуменальных основ мира и раздваивает совесть между скучным полупризнанием и тоскливым полуотрицанием бытия, людей же вовлеченных в водоворот страстей, вполне лишает ноуменального зрения и их, мирскими пристрастиями растворившихся в чистой субъективности, вынуждает признавать только правду мироотрицания, отрицания того мира, существование которого они даже не подозревают, ибо их духовное око созерцает лишь собственное их пристрастие к мирским похотям. Напротив, Бухарев созерцал мир чистым оком и, *оторвав от себя корыстную жажду жизни, остановив воспаленное кружение колеса бытования, угасив в себе стихийную*

безмерность хотения, (курсив мой – Г.Я.) сумел увидеть мир сверхличным, разумным, по терминологии древней, бескорыстным любованием как первожданную красоту Отца Небесного, Предвечного Художника...» (8) Это ведь буддисты говорили, что Архат отрывает от Себя Танкху – корыстную жажду жизни, останавливает кружение колеса перевоплощений, угашает в Себе Тришну – стихийную безмерность хотения.

Я не говорю, что к 1918 году Флоренский настолько увлекся буддизмом, что стал применять его символику к самому сокровенному **своему**. Действительность многозначительнее. В 1918 году наблюдается особый всплеск его творческой активности. Тогда он получил импульс самого мощного этапа его творчества. Импульсы к творчеству он получал умозрением идей. Судя по всему, годом раньше, в 1917 году он узрел те же символы бытия, которые в 592 году до н.э. узрел Гаутама Будда. Вот что П.А.Ф. пишет о природе символики человеческого мышления: «... *символика* не измышляется кем бы то ни было, не возникает через обусловливание, а *открывается* духом в глубинах нашего существа, в средоточии всех сил жизни и отсюда *изводится*, воплощаясь в ряде последовательных, друг на друге наслояющихся оболочек, чтобы наконец родиться от познавшего и давшего ей воплотиться созерцателя. Основа символики – не произвол, а сокровенная природа нашего существа: язык символов, - а он и есть *вообще* язык, ибо и язык словесный символичен, хотя есть язык языка, - язык символов заложен в нас в самом творении нас, и при том *не* как врожденный, то есть к нам *присоединенный*, и потому могущий быть и могущий *не* быть, а как неотделимый от самого существа нашего, как такой, без которого мы не были бы вообще возможны, то есть как априорный. Он недрится в глубочайших наших основах... Вот почему священные книги всех народов, мудрецы, мистики и поэты столь единодушны в языке символов: они открывают его в себе, а не сочиняют его... (...) ...этот язык исходит по существу своему из недр личности». (9)

В своих прозрениях истины и осознании увиденного Флоренский поднялся до высот, доступных умозрению немногих. Я не утверждаю, что он *стал* Буддой, но то, что он вошел в тот четко очерченный круг, из которого вышли к людям и Будда и Христос и другие Гиганты Духа – несомненно.

Основная идея религиозного фундаментализма – человек должен спастись, уйти из этого мира. Флоренский учит противоположно: «Воплощение есть основная заповедь жизни, - Воплощение, т.е. осуществление своих возможностей в мире, принятие мира в себя и оформление собою материи». (10) Это то, о чем говорили и Будда и Христос, это слова Бодхисатвы, теурга, богочеловека. Не «спасайся, кто может», а преобразись и преображай. Это слова человека, ставшего сотворцом Творца. Мы помним его горькие слова о крахе всех его дел. Но знаем - это не так. Его мысли **навсегда** запечатлелись в платоновском мире идей, они сияют и вдохновляют молодых мыслителей, которые воспринимают их как природный фактор, мысли Мирового Духа. Но к ним мы можем придти и через его труды, слова которых несут энергии этих идей. Победоносных, покоряющих, преображающих и спасающих. Книги Флоренского самому ему уже не были нужны, нам же они необходимы. Если люди хотят выйти из этого положения, они должны пойти путем, который он показал нам подвигом своей жизни. Отсюда значение его книг. Отсюда оценка роли семьи Флоренских, сохранившей его наследие.

4.

На Флоренского надо смотреть как на «дваждырожденного». О необходимости родиться второй раз, «свыше» говорится в евангелии от Иоанна (3:3-7), но это общечеловеческое

знание. Из доступных источников эта традиция наиболее полно расписана в литературе по Раджа Йоге, там подробно характеризуются все ступени этой лестницы Иакова. Всесторонне обосновывается необходимость каждой из них. Мы знаем, что и в Элевсинских Мистериях тоже были четкие градации посвящения и ранги посвященных. Нет ни возможности, ни нужды определять ранг посвящения Флоренского. Но то, что он из этой Великой Семьи – несомненно.

Да он и сам говорил об этом, хоть и не прямо. «Христианство есть и должно быть мистериальным. А что для внешних – то пусть будут протестанствовать»(9.297). Что значит – в христианстве есть Мистерии, есть и Посвященные. Далее: «И посвящение не извне привносит в нас язык символов, но раскрывает и воспитывает врученные ему задатки. Может быть, без такого воспитания *в некоторой исторической среде некоторого сверх-народа, каковым должно считать всю организацию посвященных центров в ее целостности*, может быть, без этого прикосновения к *над-индивидуальным общественным силам* (курсив мой- Г.Я.). не может проявиться сокрытый в возможности символический язык; думаю так...»(9) Мы знаем, что Флоренский всегда говорит, основываясь на фактах, на конкретных проявлениях реальности. Он наш представитель в том сверх-народе, которым является человечество в его грядущей всецелости. В богочеловечестве.

Он вспоминал: «Про себя я, по крайней мере, могу сказать, что вся последующая жизнь мне не открыла ничего нового, кроме одного, - о чем будет сказано ниже, - но и то-открыла не познанию, а открыла смерти, после которой я стал уже не я» (3.270). Как это можно понять, если не знать, что речь идет об *эвтаназии*. Как писала Е.П. Блаватская: «Этот вид легкой «смерти», или *euthanasia*, имеет Эзотерическое значение. Он символизирует «смерть» каждого Адепта, достигшего силы и степени и так же очищения, что дает ему возможность «умереть»... и все же жить и продолжать сознательную жизнь... Вариации на эту тему бесконечны, но тайный смысл всегда одинаков. Выражение апостола Павла, «что не видел смерти» (Евр.11.5), имеет, таким образом, Эзотерический смысл, но ничего сверхъестественного»(11).

Вопрос об эвтаназии, (т.е. переживании смерти корня эгоизма при жизни) рассмотрен им в статьях «Не восхищение непщева» и «Рассуждение на случай кончины отца Алексея Мечева». Причем в этих работах даны такие тонкости этого дела, сокровенный его смысл, что становится понятным, Флоренский не только был посвящен в таинство преображения, но и сам уже, видимо, был таким посвященным. «Человек умирает только раз в жизни, и потому, не имея опыта, умирает неудачно. Человек не умеет умирать, и смерть его происходит ощупью, в потемках. Но смерть, как и всякая деятельность, требует навыка. Чтобы умереть вполне благополучно, надо знать, как умирать, надо приобрести навык умирания, надо выучиться смерти. А для этого необходимо умирать еще при жизни, под руководством людей опытных, уже умиравших. Этот-то опыт смерти и дается подвижничеством. В древности училищем смерти были мистерии». (1.167)

То, что он сам был «преподавателем» такого «училища» можно понять по некоторым намекам из работы «Памяти Владимира Францевича Эрна». Впрочем, духовным отношениям ученика и Учителя присуща особая таинственность, так что ничего кроме намеков мы и не найдем. Думаю, понять сокровенное ядро учения и жизни Флоренского может только такой же, как он подвижник. Мы же можем только приблизиться к пониманию того, - о чем собственно идет речь.

Флоренский орудует не метафорами, он конкретен. Вот он пишет, что смерть – может быть рождением в жизнь вечную, поэтому Ангелы Смерти всех времен и народов всегда имеют при себе режущий предмет, чтобы перерезать пуповину (1.599). Метафора? Но вот йоги говорят: «Пуповина соединяет астральное тело с физическим». Есть невидимая «пуповина», соединяющая душу человека с телом, ее-то и перерезает Ангел Смерти «при смерти». У посвященных это второе рождение, (с переживанием акта трагического разрыва связи души с телом) происходит еще при жизни данной персоны. Что сопровождается смертью эгоизма. Настоящей смертью, с ее ужасом, с визитом Ангела Смерти, работающего соответствующим инструментом. Поэтому, при успении своем они уже «смерти не узрят», а перейдут в иные миры без шокирующего пресечения сознания. В Отчий Дом вернуться. В круг друзей – Отцов и Учителей.

Так что, собственно, Флоренского не «убили» 8 декабря 1937 года. Его палачи как привратники, как лакеи, - просто открыли ему двери в родимые глубины бытия. Нам надо твердо понять, что он не *жертва тоталитаризма* в том смысле в каком мы говорим о «безвинных жертвах» большевистского террора. В персональном столкновении со слугами хаоса - он победитель и триумфатор.

Он «жертва» в плане образа действия представителей упомянутого сверх-народа. 9 января 1882 года он принес себя в жертву, воплотившись сюда к нам, чтобы принять мир в себя, облагородить, оформить наш мир собою. Так устроен этот мир – все великие духовные ценности, культурные ценности, потребные человеку для восхождения, даются ему даром: «И Дух и невеста говорят: прииди! И слышавший да скажет: прииди! Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром». (Откр.22,17) Даром для берущего, но не даром для дающего. Ведь за все в этом мире надо платить. За берущего платит дающий, за ученика платит Учитель. «Ясно, что свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением», - писал Флоренский домой с Соловков за 10 месяцев до расстрела (10.664). Уж он-то знал, что так повелось с сотворения мира, с той предвечной жертвы Агнца, на которой основано мироздание. Сложное и богатое отдает себя, для того, чтобы простое и бедное питаясь его «плотью и кровью» росло, взросло, училось, боролось, творило – жило. Постепенно уподобляясь Ему. В основание всякого начинания полагается жертва. Флоренский принес себя в жертву при начале Новой Эпохи, которая утвердится распространением нового мироздания в Новой России, по всему миру.

5.

Подчеркивают «священство» Флоренского, вот что думал этот православный священник о религии: «... собственно, нет религий, а есть одна Религия. Религия весьма меняет в человечестве свой вид и весьма неодинакова ценность её различных обликов. Но основные силы, её складывающие, сходны». (3.314) А.Ф.Лосев писал: «Я вспоминаю сейчас одну из бесед с ним: «Я, - говорит, - принял священство не для того, чтобы служить на приходе. Я принял это для своего личного общения с Богом. А знаете, наши приходы – это ведь сплошь бытовое православие, которое мне совершенно неинтересно. Я никогда ни на каком приходе не был и не буду, потому что слишком все это скучно, неинтересно, слишком это стало бытовым и обычным. Религия – это что-то необычное. А здесь все обычно, «все бытовое» (12).

Налицо два средоточия смысла, одно - отнесение религии к группе «чего-то необычного». «Повторяемость и множественность... были мне нестерпимы, как дурная бесконечность, предмет томительной скуки, отвращения и ужаса». В «необычном»

реальность являлась ему, открывались окна в иные миры, в житнетворческую глубину, в «родимую, одинокую, таинственную и бесконечную Вечность». Второе – установление «личного общения с Богом». Мы знаем, какое значение Флоренский придавал дружбе. «Что же есть дружба? – Созерцание Себя через Друга в Боге». Т.е. дружить – это стремиться реализовать требование дельфийского оракула: познай себя!

Флоренский страстно искал и не находил себе друга среди людей. Он нашел себе Друга в Иисусе Христе. Вот и еще одно объяснение, по умолчанию, - почему в его писаниях «мало Христа», мало выявлено личное отношение ко Христу. Почему? Флоренский говорит о дружбе, что эту драгоценность уничтожает нарушение дружеского доверия. Вот почему в своих трудах этот «последний из христиан», призывает «исповедать Имя Христа. А мы подменяем это исповедание Имени исповеданием Самого Иисуса Христа». Дело не в умалении Христа перед Его Именем. Дело в том, что для «внешних» общепринятый стиль богословствования, непременным атрибутом которого выступают наружу интонации «личного отношения» ко Христу, - просто дань обычаям, что оскорбляет простые, живые, реальные отношения с Учителем и Другом.

Тут же и корень отношения Флоренского к Церкви. А.В. Ельчанинов вспоминал, что причину снедавшей его в юности тоски Флоренский объяснял как «желание настоящего полного общения... Я нигде не нахожу этого общения: все только бумажки, и ни разу – золота. Не говорю, что в церкви нет чистого золота, но мне не попадалось. Если бы я не верил, было бы легче, но в том-то и тяжесть, что я верю, что золото есть. Раз нет общения, нет церкви, нет и христианства. Мне велят верить – я и верю, но ведь это не жизнь – жизнь как раз начинается с того времени, как увидишь, ощупаешь этот главный факт»(12.41). В зрелом возрасте он писал о Церкви вот что: «Ничего не возражая в данном месте против «Патриарха Московского и всея Руси», мы не должны, однако, забывать и того обстоятельства, что единовластное устройство Русской Православной Церкви ещё решительно ничего не значит для Православной Церкви и принципиально, как бы ни была территориально велика и числена Русская Церковь, имеет значение не большее, нежели единство власти в отдельной епархии или даже в отдельном приходе, ведь единством русской церковной власти отнюдь не вносится такого же в церковную власть Вселенской Православной Церкви, мечта о каковом, есть определённо мечта католическая». Вселенская же Церковь «... непрерывно, на всём протяжении пространства и времени с о б о р у е т с я, т.е. осознаёт себя единою, носительницей Духа Истины... (...) В духовном я могу сказать то, что единственно может быть духовно ценным, лишь оставшись с глазу на глаз с самой Истиной, и только предельная моя открытость пред нею, т.е. моя решительная неподатливость всем внешним давлениям, откуда бы они ни шли, предоставит мне возможность быть самим собою, совлекшись всяких условностей, и, прейдя по ту сторону себя самого, созерцать ноуменальный мир; и тогда лишь, в своей предельной свободе восприяв от духовной жизни, я смогу быть членом Церкви, т.е. соборно обсуждать дела духовные: или свободно и соборно, или никак постигается Истина, устрояется духовная жизнь общества». (4. 293-294).

Флоренский решительно отличал русскую церковь от Церкви Христовой, в которой он и состоял, как и другие святые и подвижники «всех времён и народов». «Со-вхождение людей в таинственную духовную атмосферу около Христа, приобщение Его благодатной силы претворяет их в новую духовную сущность, делает из двух частицу Тела Христова, живое воплощение Церкви...» Могут сказать, но в Церкви Христовой должно быть трое. Третьим членом Церкви, в которой состоял Флоренский была София. А здесь необходимо вспомнить его статью «Троице-Сергиева Лавра и Россия». Там, в части IV, он называет «Ангелом России», ее духовной Сущностью – Радость, Красоту, Вечную

Женственность, т.е. Софию. Одновременно, «Ангелом-Хранителем России», «Ангелом земли русской», наконец «Ангелом России» он называет Преподобного. Он имел для такого совмещения несовместимого серьезное основание, раз решил его зафиксировать письменно. Флоренский не боялся проблем, он всегда ставил вопрос ребром. Так же поступим и мы – или этот классик из классиков настолько небрежно исполнил эту, впрочем, гениальную статью, что в конце не помнил, что у него там в середине сказано, или это некое откровение. Ответ прост. Флоренский был «сергиевцем», Преподобный открылся ему и стал его другом. По мере развития их отношений истинный лик родоначальника земли русской и создателя русского национального характера все яснее виделся ему: «Бесчисленны отраженные и тысячекратно преломленные лучи нашего Солнца. Что не озарено его Светом!» Совмещение Христа и Софии – дело обычное, так и Флоренский мыслит о Софии, как о Теле Христовом и Невесте Христовой. Он в своей книге об арх. Бухарева даже говорит о «Христо-Софийной» проблеме, как «первовопросе русской мысли». Христос и София как символы Божества. Как две стороны чего-то Третьего. Троицы. А тут наряду с Софией вторым Ангелом России, он увидел Преподобного. Почему? А потому, что он увидел в нем Самого Христа. И это утвердившийся, уверенный взгляд. Поэтому он и закрепил его в этой великой статье.

Прежде, нежели стать священником РПЦ, Флоренский был подвижником. «Нет большей любви, как положить душу, бессмертную душу свою за друзей своих». Но, чтобы «положить» нечто, нужно «это нечто» иметь. Большинство, так и не узнает - что это такое «бессмертная душа человеческая», Флоренский же имел её до рождения. С. Булгаков писал о своем Учителе: « В его лице было нечто восточное и нерусское (мать его была армянка). Мне же духовно в нём виделся более всего древний эллин, а вместе ещё и египтянин; обе духовные стихии он в себе носил, будучи их как бы живым откровением»(12.392). Это необыкновенно важное свидетельство человека высоко духовного, всю жизнь находившегося под влиянием Флоренского, можно сказать, сформированного в его духе. Ведь дело в том, что культовая и философская основа христианской церкви имеет своими источниками как раз то, что было взято её основоположниками из остатков египетских мистерий и философии Платона, греческой философии. Теперь послушаем, что сказал Флоренский: «Время никогда не мог я постигнуть как бесповоротно ушедшее; всегда, насколько помню себя, жило во мне убеждение, что оно куда-то отходит... и там скрывается, засыпает; но когда-то и как-то к нему можно подойти вплотную - и оно тогда проснётся и оживёт. Прошлое - не прошло, это ощущение всегда стояло предо мной яснее ясного... я ощущал вязкую реальность прошлого и рос с тем чувством, что на самом деле прикасаюсь к бывшему много веков тому назад и душою вхожу в него. То, что в истории действительно занимало меня - Египет, Греция, стояло отделённое от меня не временем, а лишь какою-то стеною, но сквозь эту стену я всем существом чувствовал, что оно и сейчас здесь». (3.242) Так что эти два духовные типа виделись С. Булгакову в его Учителе не случайно. Может быть, он прозрел в нём одного из тех гигантов, одного из тех гностиков, неоплатоников, кто на заре христианства заложил основу этого культа, и вот теперь, на его закате явился, чтобы попытаться дать своему детищу новый импульс жизни? Влить новое вино в старые мехи? Булгаков пишет: «Основное впечатление от о. Павла было силы, себя знающей и собою владеющей. И этой силой была некая первозданность гениальной личности, которой дана самобытность и самодавляемость...» (12.393) До рождения Флоренский уже имел «бессмертную душу», о которой говорил Христос. И он родился на земле чтобы содействовать её преображению. Воплотившись 125 лет назад, он принес к нам сюда, на землю свою «бессмертную душу», - что это конкретно? «Бессмертную», значит - уже неподвластную энтропии совокупность индивидуализированных им, проработанных его Духом энергий. И он вобрал наш мир в себя и в горниле этих энергий преобразил, переработав собою, своей душой – или как сегодня говорят «энергетикой».

6.

Великая Матерь издревле имеет «десять тысяч» Имён. Гея - одно из них. Флоренский был Геолог. Воплотившись на земле, из толщи земной жизни он («ввинчиваясь сознанием»), пробивал штольни туда, в свою родину, в мир горный, в платоновский мир прототипов, в «реальность». Это нелегко. «Именно потому, что нас окружают не призрачные мечты, которые перестраивались бы по нашей прихоти, бессильные и бескровные, а реальность, имеющая **свою** жизнь и свои отношения к прочим реальностям, именно поэтому она **вязка** и требует с нашей стороны **усилия**, чтобы были завязаны с нею новые связи, чтобы были прорыты в ней новые протоки» (9.367). Он прорывал эти протоки, тоннели, штольни в той коре земли, которая начинается в низших слоях мира незримого, заслоняя умы и души людей от вечносущего Света. Он врубался в базальты тьмы, в напластования пошлой бессмысленности зла. Он явил нам, что такое символ, он являл нам символы. Он соединял землю и Небо. Это титанический труд. Великие мыслители типа Флоренского - это шахтёры умственного труда, чернорабочие, - и проходчики, и такелажники, и забойщики. Умственный труд тяжелый. Но он вознаграждает не сторицей, а несчётно. Несчётное множество людей. По этим протокам, тоннелям и штольням к нам сюда пошли Божественные энергии, идеи и образы. Благодаря ему эти неопределимые ценности стали доступны теперь не только таким титанам, каким является он сам, но и средним людям. Так распространяется новый тип мышления, так Флоренский стал сотворцом Творца. Свидетелем мира незримого в пресветлом лике которого языки небесного огня предстали нам не «огнём посядающим», а нежгучим «умственным пламенем».

С таким трудом добытое **свое** дает он как традиционное. Здесь не только *истинное* смирение подвижника, но и честность научного работника. Он-то знает, что все идеи являются произведениями одного Мыслителя – Христа, в Его космическом аспекте. А он, *только* «во-ображает», дает «образы» этим абстрактным идеям, этим святящимся сущностям мира прототипов. Сказано было: воображение – это творческий дар. Насыщенное творческими энергиями сознание создает с помощью этой *творческой силы* формы для абстрактных идей, дает им «плоть», «во-площает», дает им «образы», «во-ображает», так населяя новыми созданиями – *мыслеобразами* определенные сферы пространства. Так что, когда мы говорим «Держава Рериха», или «мир творческого воображения Достоевского», мы говорим об анклавах, реально существующих в конкретных областях мироздания, населенных созданиями творческой силы художника (мыслеобразами), и с помощью произведений его искусства, - символов, «окон», «мостов» - можно назвать как угодно – соединенных с нашим миром.

Представление о природной основе процесса воображения идей дано было европейцам Платоном. Сам он приобщился к этому общечеловеческому знанию путем непосредственного созерцания того, что было открыто ему при посвящении в мистерии. Знарок античности А.Ф. Лосев пишет: «Идея активно действует для того, чтобы воплотиться в своем инобытии; а это инобытие есть нечто приемлющее идею, есть то, что воплощает в себе идею. Такая структурная картина воплощения идеи еще в античной философии приводила к тому, чтобы организующий идеальный принцип понимать как нечто мужское, а организуемое материнское инобытие – как принцип женский, так что реальная вещь, возникшая из слияния этих двух принципов, есть уже порождение или детище, брачного союза идеи и материи. Этот процесс, по воззрению древних платоников, происходит еще в самом же идеальном мире, в котором имеется порождающий Логос и приемлющая его умопостигаемая материя. Такой умопостигаемый воплощенный Логос у Плотина прямо называется Софией»(13).

Этот платоновский мир идеальных прототипов по воззрению неоплатоников имеет два подразделения, «подплана»: 1. подплан бесформенных «абстрактных» идей Логоса; 2. подплан конкретно оформленных Софией этих идей. Здесь идеи Логоса получают от Софии тела или формы из тончайших умопостигаемых материй этого подплана. Саму Софию называют «воплощенным», или «женственным» Логосом, она двуедина. По форме – это тончайшая материя, «реликтовый свет», Свет Логоса, по сути, – это Сам светящийся Логос. Это две стороны чего-то третьего, Высшего, синтетического, которое выявляется только так, – как Логос-София. «Во-ображение» Софией идей Логоса, Его Самого, – это основной момент в творческом процессе природы. В дальнейшем эти первообразы, платоновские *идеи*, становятся прототипами для творчества всех иерархий творческих сущностей на всех планах бытия. Так осуществляется связь неба и земли, так небеса передают земле новые, более совершенные формы, которые должна принимать земная жизнь. Так творится эволюция. В этом процессе активнейшее участие может принимать человек. Он наделен своей великой матерью – Природой таинственной творческой силой, которая позволяет и ему тоже «во-ображать» абстрактные идеи. Создавать в мире идей анклавы мыслеобразов конкретно «о-формленных», «образованных» абстрактных идей. А потом уже с помощью произведений искусства, имеющих символическую, двойную природу и энергетику (Флоренский), связывать эти анклавы своих мыслеобразов с нашим миром. Таким образом вносить их сюда, к нам, из мира горнего. В этом эволюционное значение культуры. В этом причина того таинственного явления, о котором на все лады твердит нам Н.К. Рерих: «Как мы видим на многих примерах, цивилизация может погибнуть, может совершенно уничтожиться, но Культура в неистребимых духовных скрижалях создает великое наследие, питающее будущую молодую поросль».

Образы этих скрижалей – слова: «И вдруг наступает момент внутреннего вскрика при познании реальности. Это – уже первый момент вхождения в объективное. Наименование бывает в один момент с познанием». Слово как факел дает идее новое тело. Слова Флоренского – огненные. Он необыкновенно самобытен, яро индивидуален. Его руку всегда узнаешь, его статьи хочется разучивать как стихи. Уж он-то имеет право говорить об аутентичности Микрокосма Макрокосму. «В моменты полного духовного освобождения, когда вдруг сознаешь себя субстанцией, а не только субъектом своих состояний, и предстоишь пред Вечным, остро и предельно четко сознается полная ответственность решительно за все, что было и есть, за состояния самые пассивные, и столь же решительная невозможность отговориться внешними воздействиями и внушениями, наследственностью, воспитанием, слабостями. Тогда ясно: нет ничего что «сделалось», «произошло», «случилось», нет никаких **просто** фактов, а есть лишь поступки, и знаешь: совершил их я. Я – и точка; далее не может быть и речи ни о ком и ни о чем»(3.311). Что, это голос «твари», или Творца?

Ему эту самобытность все время тычут в глаза: и «авангардист» он, и «маргинал», и «ересиарх». Такова судьба Гигантов Духа, чей образ не укладывается в плоскости сознания слепцов, не способных к синтетическому созерцанию этих индивидуумов. Но не для них мы даём фигуру Флоренского в контексте духовных исканий лучших русских людей Серебряного века. Там, среди преломлений и отражений от других великих фигур, этот век сотворивших, его фигура вырисовывается лучше для нас самих же. «Синтетическое созерцание» – это хорошо, но надо думать. Полагаться только на интуитивные прозрения не приходится. Редки они. Надо работать с первоисточниками, читать и думать. Мышление диалогично. Только в диалогах, с Вл. Соловьевым, с Бердяевым, с Рерихами, с Вяч Ивановым, с Андреем Белым, с «Платоном, Плотиним и Проклом», с Блаватской, мы

сможем понять Флоренского адекватно. Ведь он - необходимый этап грандиозного предприятия – Откровения Итины людям. И если мы говорим о нем как об «одном из» предтеч Второго Пришествия, разве мы умаляем его?

7.

Флоренский писал, что его поймут через 50 лет после его смерти. Он был расстрелян в 1937. Через 66 лет, в 2003 году Международным Центром-Музеем им. Н.К. Рериха (МЦР) в Москве была проведена научная конференция «Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века», в которой приняло участие более 900 человек из разных стран мира. В их числе 3 академика РАН, 10 академиков специализированных академий, 87 докторов наук и профессоров, 39 кандидатов наук. Было прочитано 125 докладов.

На конференции констатировали, что сегодня мы пришли к пониманию, что в XX веке начал формироваться качественно новый синтетический, четвертый тип мышления – космический. (Предыдущие три - мифологический, религиозный и научный типы не «отменяются» этим новым типом мышления, а продолжают сосуществовать наряду с ним.) Его особенностью является синтез научного, философского, религиозного опыта человечества, а так же достижений искусств. Человек начал открывать свой внутренний космос, все полнее осознавать себя органической частью единой космической реальности. Благодаря философии «серебряного века», трудам ученых-космистов, стала формироваться новая теория познания, которая наряду с рациональными способами познания включает интуитивные и духовные способы постижения человека, природы, космоса. Этот тип мышления зародился в России, но, как природный процесс, его распространение имеет всемирный характер и дает всему человечеству возможность выхода из того тупика, в котором оно оказалось в результате одностороннего развития технократической цивилизации.

Приятно отметить, на этой конференции, посвященной развитию мировоззрения, ярчайшим представителем которого является П.А. Флоренский, с докладом выступил его внук П.В. Флоренский доктор геолого-минералогических наук, профессор, академик Академии наук Республики Абхазия, Российской академии естественных наук и Международной Славянской академии наук и культуры, член Союза писателей России., Член Комиссии по описанию чудесных знамений, происходящих в Русской православной церкви (МП).

По решению конференции был образован Объединённый научный центр изучения проблем Космического Мышления (ОНЦ КМ), который действует на базе МЦР и объединяет представителей ряда научных организаций - Российской академии наук (РАН), Российской академии естественных наук (РАЕН), Российской академии космонавтики имени К.Э. Циолковского (РАКЦ), Российской академии образования и других. Председателем ученого совета ОНЦ КМ избран первый заместитель председателя Уральского отделения РАН академик РАН, В.Н. Большаков. В состав ученого совета ОНЦ КМ вошли известные ученые и общественные деятели: Л.В. Шапошникова, вице-президент МЦР, академик РАЕН; А.Г. Назаров директор экологического центра Научно-исследовательского института истории, естествознания и техники РАН; Ю.М. Воронцов президент МЦР, специальный представитель РФ при Генеральном секретаре ООН, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ; Е.М. Примаков, президент Торгово-промышленной палаты РФ, академик РАН; П.В. Флоренский; Б.Н. Кантемиров вице-президент РАКЦ; О.Л. Кузнецов президент РАЕН; Г.Н. Фурсей вице-президент РАЕН; и другие.

Главными целями ОНЦ КМ признаны следующие: содействие изучению проблем космического мышления и распространение его среди широкой научной и культурной общественности; проведение исследований в основных научных областях, связанных с космическим мышлением. В число задач центра вошли: развитие космического сознания на современном этапе культурно-исторической эволюции человечества; а так же введение в научный оборот новой системы познания космического мышления и методологических положений, содержащихся в философии космической реальности - Живой Этике, в котором известная формула «Красота спасёт мир» была полностью и всесторонне раскрыта.

Сегодня уже определены направления деятельности ОНЦ КМ, которые осуществляются через работу его секций и отделов: «Основатели космического мышления»; Новая система познания и Живая Этика»; «Идеи космизма и учения Востока»; «Синергетика и глобальное прогнозирование»; «Космонавтика XXI века; техника, экология, культура»; «Жизнь и разум во Вселенной»; «Религиозный опыт и космическое мышление» (руководитель - П.В. Флоренский); «Экология и ноосфера»; «Космическое мышление и образование»; «Космическое мироощущение в искусстве».

Так что тот тип духовной жизни и строение личности, попросту говоря, мировоззрение, которое получилось из взрыва сознания Флоренского в 1899 году, сегодня в любимой его России получило признание и твёрдую почву под ногами. Оно получило свой дом в Москве. Просияв в самом сердце России, оно преобразит её душу, а вслед за тем и весь мир. Ведь зарождение, развитие и распространение этого мировоззрения - это природный процесс.

Мы начали эту статью словами Флоренского о Звезде, горящей на утренней и на вечерней зорях. Завершая, вспомним его же слова.

«Эти две тайны, два света - рубежи жизни. Смерть и рождение сплетаются, переливаются друг в друга. Колыбель - гроб, и гроб - колыбель. Рождаясь - умираем, умирая - рождаемся. И всем, что ни делается в жизни - либо готовится рождение, либо зачинается смерть. Звезда Утренняя и Звезда Вечерняя - одна звезда. Вечер и утро перетекают один в другой: «Аз есмь Альфа и Омега».

Эти же тайны, тайна Вечера и тайна Утра, - грани Времени. Так гласит о том великая летопись мира - Библия. На протяжении от первых глав Книги Бытия и до последних Апокалипсиса развёртывается космическая история, - от вечера мира и до утра его. Небо и земля сотворены были **под вечер**. В прохладном веющем ветре вечернем открывался людям Вечный. (3 Цар. 19.12 - Г.Я.) Не было ни скорби, ни туги, ни плача; не было сомнений. И люди были как дети, и Древо жизни произрастало посреди Эдема. Так, с вечера, начинает историю мира Священная Летопись. Кончается же эта история, в Апокалипсисе, разрушением и гибелью мира и новым творением. Опять Древо жизни посреди Нового Эдема - Иерусалима Горнего. Опять радость и ликование. Опять нет скорби и плача. Опять нет смерти. Опять **брачная** пиршественность. Но это уже не вечер, а утро наступающего вечного Света. Иисус - «Звезда Светлая и Денница», Иисус, «Звезда Утренняя и Денница», по другому чтению, - восходит в Новом мире. Эдемом начинается Библия, Эдемом же и кончается, ибо Агнец Апокалипсиса - радость Эдема. Браком начинается, браком же и кончается. Духом начинается, Духом и кончается. Но начинается она **вечером**, а кончается **утром** не вечернего дня. Не есть ли история мира, во мраке греховном протекающая, - одна лишь **ночь**, один лишь страшный сон, растягивающийся в

века, - ночь между тем, полным грустной тайны, вечером и этим, трепещущим и ликующим, утром? И кончина мировая - не рождение ли Земли в новую жизнь при Звезде Утренней?

И концы сливаются. Ночь вселенной воспринимается как не-сухая. Утро нового мира продолжает тот, первозданный, вечер: «и бысть вечер, и бысть утро, день первый»... «Утро» и «вечер», ночи же будто и не бывало». (9, 32-33).

Ссылки

1. «С началом текущего века научное миропонимание претерпело сдвиг, равного которому не найти, кажется, на всем протяжении человеческой мысли; даже скачек от Средневековья к Возрождению теряет в своей значительности, будучи сопоставлен с мыслительной стремниной нашего времени. Слово *революция* кажется слабым, чтобы охарактеризовать это событие культуры: мы не знаем, еще не знаем как назвать его. Увлекаемые вырвавшимся вихрем, мы не имеем и способов достаточно оценить скорость происходящего процесса, как не выработали еще в себе категорий сознания, которыми можно было бы выразить общий смысл совершающегося». П.А. Флоренский. Сочинения, ФН, М., 96, т.124, стр. 632.
2. П.А. Флоренский. Сочинения, ФН, М., 99, т.129, стр. 392-439.
3. П.А. Флоренский. Имена. Харьков, 2000, стр. 347.
4. П.А. Флоренский. Сочинения, ФН, М., 2004, т.133, стр. 299.
5. Египет и Крит - два древнейших центра посвящения. Мистерии Крита были на тысячу лет старше Элевсинских. А вот ещё более красочное и ближе подходящее к теме описание переживаний посвящаемого в таинство мистерий. Тот ли случай описан, - не известно, - взято оно из статьи «Не восхищение непщева» вышедшей в 1915 году. «Бывал ли ты на высоких горах, - у снеговой линии и выше? Тогда тебе должен быть понятным испытанный, хотя бы лишь в бледном предчувствии, тот переполняющий душу восторг и то мужественное и трезвое восхищение, которое готово вот-вот совсем унести молящуюся на высотах душу и разметать её в синем Эфире. Ты знаешь также то, что нет тогда ни усталости, ни печали ни тревоги. Самое тело словно провеивается животворным и бодрящим эфиром высот и, теряя в весе, не то скользит по скалам, не то уносится таинственным вихрем. В эти часы, полные как вечность и составляющие одно единственное мгновение, вся косность плоти, вся брэнность земного бытия, весь туман души, все накопившиеся месяцами и годами миазмы страстей развеиваются, и омытое в эфире Солнце пронзает лучом в самое сердце и убивает гнездящегося там змея. (Ср.: «Ищи в сердце своём источник зла и вырви его». «Свет на Пути», - этот трактат Флоренский упоминает в примечании 28 к «Столпу и утверждению Истины». - Г.Я.) И девственную тогда и прозрачную душу, возлюбившую хлад тонкий царственных вершин, уносит к себе в творческую пещеру эфира-родное восхищение, то трезвенное и могучее и великодушное восхищение, которое приходит от стран Гиперборейских и которого ждут ныне - растленные мелочностью и торгашеством народы». (1.179). Прошу обратить внимание на выражение «хлад тонкий» (3 Цар. 19.12.), это одно из любимых выражений Флоренского, он его не раз вспоминал. Наверное, потому, что сам часто «хлад» этот ощущал. Считается, что «хлад тонкий», ощущаемый чаще всего в сердце, сопровождает прикасания к нему Высшие. Он возникает как следствие разницы вибраций земных и Небесных. В Третьей книге Царств (19,11-12) говорится о том, что Бог явился пророку Илии не в бурном ветре, не в землетрясении и не в огне, но как «веяние тихого ветра», как «глас хлада тонка»,

- согласно славянскому тексту. Ср. у Блока: «И к вздрагиваньям **медленного хлада** (выделено мной - Г.Я.) усталую ты душу приучи, чтоб было *здесь* ей ничего не надо, когда *оттуда* ринутся лучи».
6. Горячо любивший Вл. Соловьёва и прекрасно знавший его работы, Флоренский здесь по отношению к себе употребил не соловьёвское «теург», а другое слово «маг». Он всегда и во всём старался дистанцироваться от Вл. Соловьёва, что вызвано как раз слишком глубокой их духовной близостью. А в письме к Е.Ф. Писаревой, издательнице журнала «Вопросы Теософии», написанном в декабре 1910 года, Флоренский называет себя «оккультистом» милостью Божией». «Павел Флоренский и символисты». М., 2004, стр. 530-531.
 7. П.А. Флоренский. Столп и утверждение Истины. М., 90, стр. 826.
 8. Архимандрит Феодор (Бухарев): pro et contra. СПб, 97, стр. 590.
 9. П.А. Флоренский. Сочинения. ФН. т.128, М., 99, стр. 424 –425.
 10. П.А. Флоренский. Сочинения. ФН. т. 127, М., 98, стр. 24.
 11. Е.П. Блаватская. Тайная Доктрина. Минск. 94, т. 2 (2), стр. 109.
 12. Флоренский: pro et contra. СПб, 2001, стр.192.
 13. А.Ф. Лосев. Владимир Соловьёв. М. 2000., стр. 207.